

Поэмы Василия Федорова

ШЕЛ республиканский смотр художественной самодеятельности. На сцену вышли стройные девушки, победительницы областного смотра в гор. Калинине, и очень задушевно и бережно прочитала поэму Василия Федорова «Ленинский подарок».

Пoэма — не стихотворение, выучить ее по собственной инициативе, а затем, читая, долго держать зал в напряженном внимании не так-то легко, да и не каждому придет в голову.

Поэма «Ленинский подарок», на наш взгляд, принадлежит к лучшим произведениям советской поэзии о Ленине.

...В сугубом, осажденном Петрограде работала Надя медсестрой. И как-то раз

преходила в госпиталь Ильиц.

На многих рваные халаты,

Бинты замыты видны...

Ильич осматривал палаты

И повторял:

«Бедны, бедны!..»

...Он видел чистыми до блеска

В то время

Лишь глаза солдат.

Они, подернутые горем,

Светели перед Ильицем:

«Товарищ Ленин, мы вот спорим!..»

Ильич подавался:

«И о чем?»

Верно найденными, скрупульными словами поэт передает главное: образ времени, образ мужественных людей — зачинателей нового мира, и образ того, кому посвящена поэма. Мы как бы слышим Ильича в этом подхватывающем слова собеседника возгласе: «И о чем?», в этом точном и характерном для обличья Ленина глаголе «подпаска».

Ленин и солдат поэту удается сделать столь очутимыми потому, что он показывает отношения между ними, их неразрывную внутреннюю связь — связь рядовых солдат революции с ее вождем. В этом обобщенном проникновении, в этом слиянии Ленина с народом — бессмертие ленинского дела, и в этом же поэтическом сердце приведенного отрывка.

Уехал Ильич. Но подружки Надя, медсестры-солдаты, проводившие на фоне работы своих мужей, измятанных трупами временем и впервые увидевшие Ленина, никак не могут успокоиться. «Надя, донгун!.. — подбежала она к самой молодой. — Ты смелая!.. Проси обувку... Должен дать...» И Надя побежала.

Ильич, «...пока саперы чинят путь, как мужики порой в деревне, присел на бревна отдохнуть».

Смеллись
Лучники-морщики,
И Надя, прямо как на грех,
Увидела его ботинки,
Понюшены, как у всех...

Сердце сковалось у Нади. Да у кого из сегодняшних читателей не сошмется оно при чтении этих строк? Здесь поэзия достигает той силы своего звучания, когда исчезают ритм, рифма и остается сама жизнь, сама правда, само сердцебиение реального.

...В день смерти Ленина Надя надела ту самую полусапожку, которые ей тогда все-таки прислали, как и ее товарищам, Владимир Ильич, и, полная слез и скорби, поплыла на траурный митинг.

Финал поэмы — наши дни. Могущая гигантская страна, создав новый общественный строй, идет впереди человечества. И в этой атмосфере победившего социализма особенно вразвал点多 звучит рассказ седой ткачки — тети Нади.

На примере одной конкретной судьбы поэт сумел сказать о Ленине и о народе, о единственном верном ленинском пути развития нашей страны, о бессмертии ленинского дела, о красоте и мужестве советских людей. При этом вся поэма насчитывает немногим больше трехсот строк.

За последние шесть лет В. Федоров одну за другой написал восемь поэм (двое

Конференция молодых литераторов

Вчера в ленинградском Доме писателя имени В. П. Маяковского открылась шестая областная конференция молодых литераторов города Ленинска.

Конференция открыта писателями правящей линии писательской организации А. Гранин. От имени литераторов Москвы участники конференции приветствуют М. Максимова. С докладом «Советская литература на конец III съезда писателей» выступил Б. Абрамин.

После пленарного заседания начались семинарские занятия.

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.).

Владимир Котов

из них еще не опубликованы). Это «Ленинский подарок», «Обида», «Далекая», «Белая роща», «Первые слезы», «Луси Ковальчук», «Проданная Венера» («Бессмертие»), «Таежная песнь». Целая шеренга поэм!

Странное дело. Почему-то этот огромный труд известного поэта, пишущего главным образом о современности, все эти годы оставался почти незамеченным нашим критиком. Так ли у нас много поэм о современности, так ли у нас много мастеров поэм, чтобы не замечать работы Василия Федорова? По-хозяйски ли это?

Но обратимся к самим поэмам. Лаконичные (400—600 строк), всегда с четким, а иногда и острым сюжетом, каждая со своим содержанием и особым обаянием, поэмы В. Федорова посвящены главному герою нашей жизни — человеку труда, его судьбам, думам, любви и ненависти, победам и неудачам.

Крепкая Настя из фильма на селе парня Олега. Но вот в селе, затерянное в широкой Барабинской степи, пришла беда. Нужно срочно отправить группу добровольцев на дизель с сеном сквозь пургу, в леденящий мороз. Олег струсил. Настя едет сама. Ее любовь подвергается испытанию и выходит из этого испытания надломленной. Да, именно сердце девичье, а не только разум, не может простить любимому труда. Это поэма «обида».

Заканчивается она картиной весны.

На фоне оживляющей природы теплой

грусти звучит лирический мотив Насти:

Долго Настя в тени простояла,
Притянувшись за извой густой.
И как будто нечастная стала
Перед этой земной красотой.

Как верно передано эпическое состояние героини, которая, «притянувшись» со своей печалью на сердце, робко наблюдает торжество расцветающей земли...

А вот и заключительный аккорд, именно аккорд, гамма чувств, а не одна нота:

Вот и ранка чуть-чуть затянулась,
Не затянет ее невынажай!..
Ячат лебеди...
Милая юность.
Боевая, смешная, прощай!..

Проникнутая лиризмом, поэма о труде и любви, о мужестве и цельности характера никогда, ни в одном месте не дает «спутух», но фальшивый, не сбивающийся на риторику.

С героями передано эпическое состояние героини, которая, «притянувшись» со своей печалью на сердце, робко наблюдает торжество расцветающей земли...

А вот и заключительный аккорд, именно аккорд, гамма чувств, а не одна нота:

Вот и ранка чуть-чуть затянулась,
Не затянет ее невынажай!..
Ячат лебеди...
Милая юность.
Боевая, смешная, прощай!..

Проникнутая лиризмом, поэма о труде и любви, о мужестве и цельности характера никогда, ни в одном месте не дает «спутух», но фальшивый, не сбивающийся на риторику.

С героями передано эпическое состояние героини, которая, «притянувшись» со своей печалью на сердце, робко наблюдает торжество расцветающей земли...

А вот и заключительный аккорд, именно аккорд, гамма чувств, а не одна нота:

Вот и ранка чуть-чуть затянулась,
Не затянет ее невынажай!..
Ячат лебеди...
Милая юность.
Боевая, смешная, прощай!..

Проникнутая лиризмом, поэма о труде и любви, о мужестве и цельности характера никогда, ни в одном месте не дает «спутух», но фальшивый, не сбивающийся на риторику.

С героями передано эпическое состояние героини, которая, «притянувшись» со своей печалью на сердце, робко наблюдает торжество расцветающей земли...

А вот и заключительный аккорд, именно аккорд, гамма чувств, а не одна нота:

Вот и ранка чуть-чуть затянулась,
Не затянет ее невынажай!..
Ячат лебеди...
Милая юность.
Боевая, смешная, прощай!..

Проникнутая лиризмом, поэма о труде и любви, о мужестве и цельности характера никогда, ни в одном месте не дает «спутух», но фальшивый, не сбивающийся на риторику.

С героями передано эпическое состояние героини, которая, «притянувшись» со своей печалью на сердце, робко наблюдает торжество расцветающей земли...

А вот и заключительный аккорд, именно аккорд, гамма чувств, а не одна нота:

Вот и ранка чуть-чуть затянулась,
Не затянет ее невынажай!..
Ячат лебеди...
Милая юность.
Боевая, смешная, прощай!..

Проникнутая лиризмом, поэма о труде и любви, о мужестве и цельности характера никогда, ни в одном месте не дает «спутух», но фальшивый, не сбивающийся на риторику.

С героями передано эпическое состояние героини, которая, «притянувшись» со своей печалью на сердце, робко наблюдает торжество расцветающей земли...

А вот и заключительный аккорд, именно аккорд, гамма чувств, а не одна нота:

Вот и ранка чуть-чуть затянулась,
Не затянет ее невынажай!..
Ячат лебеди...
Милая юность.
Боевая, смешная, прощай!..

Проникнутая лиризмом, поэма о труде и любви, о мужестве и цельности характера никогда, ни в одном месте не дает «спутух», но фальшивый, не сбивающийся на риторику.

С героями передано эпическое состояние героини, которая, «притянувшись» со своей печалью на сердце, робко наблюдает торжество расцветающей земли...

А вот и заключительный аккорд, именно аккорд, гамма чувств, а не одна нота:

Вот и ранка чуть-чуть затянулась,
Не затянет ее невынажай!..
Ячат лебеди...
Милая юность.
Боевая, смешная, прощай!..

Проникнутая лиризмом, поэма о труде и любви, о мужестве и цельности характера никогда, ни в одном месте не дает «спутух», но фальшивый, не сбивающийся на риторику.

С героями передано эпическое состояние героини, которая, «притянувшись» со своей печалью на сердце, робко наблюдает торжество расцветающей земли...

А вот и заключительный аккорд, именно аккорд, гамма чувств, а не одна нота:

Вот и ранка чуть-чуть затянулась,
Не затянет ее невынажай!..
Ячат лебеди...
Милая юность.
Боевая, смешная, прощай!..

Проникнутая лиризмом, поэма о труде и любви, о мужестве и цельности характера никогда, ни в одном месте не дает «спутух», но фальшивый, не сбивающийся на риторику.

С героями передано эпическое состояние героини, которая, «притянувшись» со своей печалью на сердце, робко наблюдает торжество расцветающей земли...

А вот и заключительный аккорд, именно аккорд, гамма чувств, а не одна нота:

Вот и ранка чуть-чуть затянулась,
Не затянет ее невынажай!..
Ячат лебеди...
Милая юность.
Боевая, смешная, прощай!..

Проникнутая лиризмом, поэма о труде и любви, о мужестве и цельности характера никогда, ни в одном месте не дает «спутух», но фальшивый, не сбивающийся на риторику.

С героями передано эпическое состояние героини, которая, «притянувшись» со своей печалью на сердце, робко наблюдает торжество расцветающей земли...

А вот и заключительный аккорд, именно аккорд, гамма чувств, а не одна нота:

Вот и ранка чуть-чуть затянулась,
Не затянет ее невынажай!..
Ячат лебеди...
Милая юность.
Боевая, смешная, прощай!..

Проникнутая лиризмом, поэма о труде и любви, о мужестве и цельности характера никогда, ни в одном месте не дает «спутух», но фальшивый, не сбивающийся на риторику.

С героями передано эпическое состояние героини, которая, «притянувшись» со своей печалью на сердце, робко наблюдает торжество расцветающей земли...

А вот и заключительный аккорд, именно аккорд, гамма чувств, а не одна нота:

Вот и ранка чуть-чуть затянулась,
Не затянет ее невынажай!..
Ячат лебеди...
Милая юность.
Боевая, смешная, прощай!..

Проникнутая лиризмом, поэма о труде и любви, о мужестве и цельности характера никогда, ни в одном месте не дает «спутух», но фальшивый, не сбивающийся на риторику.

С героями передано эпическое состояние героини, которая, «притянувшись» со своей печалью на сердце, робко наблюдает торжество расцветающей земли...

А вот и заключительный аккорд, именно аккорд, гамма чувств, а не одна нота:

Вот и ранка чуть-чуть затянулась,
Не затянет ее невынажай!..
Ячат лебеди...
Милая юность.
Боевая, смешная, прощай!..

Проникнутая лиризмом, поэма о труде и любви, о мужестве и цельности характера никогда, ни в одном месте не дает «спутух», но фальшивый, не сбивающийся на риторику.

С героями передано эпическое состояние героини, которая, «притянувшись» со своей печалью на сердце, робко наблюдает торжество расцветающей земли...

А вот и заключительный аккорд, именно аккорд, гамма чувств, а не одна нота:

Вот и ранка чуть-чуть затянулась,
Не затянет ее невынажай!..
Ячат лебеди...
Милая юность.
Боевая, смешная, прощай!..

Проникнутая лиризмом, поэма о труде и любви, о мужестве и цельности характера никогда, ни в одном месте не дает «спутух», но фальшивый, не сбивающийся на риторику.

С героями передано эпическое состояние героини, которая, «притянувшись» со своей печалью на сердце, робко

США, 1958

Карикатуры, воспроизведенные здесь, были опубликованы по-следние недели американской печатью. Они посвящены темам, которые волнуют сегодня самые широкие слои населения США. В рисунках этих наши отражения штрихи жизни Америки 1958 года — Америки, взвешенной экономическим спадом и огромным ростом безработицы, изногающей под бременем дороговизны, небывало высоких налогов, поглощающейся гонкой вооружений.

Рисунок № 1. Мастерская вывесок. Повсюду видимы готовые таблички: «Работы нет», «Рабочие не требуются», «Работы нет», «Рабочие не требуются...» В охваченной массой безработицы Америке это однозначная продукция необычайным спросом.

— Нет... Я не могу сказать, что в нашем деле наблюдается драма... — заявляет владелец предпринятия досужему интервьюеру.

Только такой бизнес процветает сегодня — вот горький смысл рисунка, помещенного прогрессивной газетой «Уоркер».

Рисунок № 2. Эта карикатура, напечатанная газетой «Балтимор сан», посвящена другому бедствию, одолевающему простого американца, — непрестанному росту дороговизны.

Экономика США переживает депрессию, камни падают вниз ракеты, олицетворяющие «деловую активность» и «изысканные рабочие»; злорадно ухмыляющиеся ракеты «стимость жизни» стремительно мчится ввысь. «Похоже, — говорит она, — что я доберусь до самой луны!» В ужасе наблюдает ее полетом домашняя хозяйка. А старичок «семейный бюджет» только руками разводит...

Рисунок № 3. Дополняет картину жизненных передряг. Налоги, неизменно большие налоги... Тема, ставшая ныне в США «квечной» для карикатуристов! Да и как не стать: вот уже который год американские власти вымывают из налогоплательщиков многие миллиарды долларов на покрытие грандиозных военных расходов.

На рисунке, взятом из журнала «Нью-Йорк таймс мэгзин», изображен американец, который при виде приятно улыбающегося налогового инспектора мысленно представляет себе, в какой тупой пресс он сейчас попадет. Журнал дал к рисунку подпись:

«Пытка. Опасения гражданина, который входит в кабинет налогового инспектора, ожидая самого худшего, нередко сбываются. У некоторых людей бывают сердечные приступы, нервные приступы в кабинете инспектора...»

Об истинных горестях простых людей США рассказывают эти карикатуры. Это — смех сквозь слезы, вибрирующие всему миру слезы.

Заметки об итальянской поэзии

ЗА РУЛЕМ нашей машины — один из крупнейших итальянских писателей Альберто Моравиа, рядом с ним его друг — поэт Пазолини, и направляемся мы в район, наверняка не предназначенный для показа иностранцам ни одной из многочисленных в Италии туристических фирм. Мы едем в район так называемый итальянской поэзии направление, называемое герметизмом. Двери пресловутой башни из словной кости были наглухо завинчены, и поэзия, по словам крупнейшего из представителей этой школы Эджиджено Монтале, питалась «скоками отошедшей ветки». Конечно же, издавались журналы «Ронда» и другие (тираж в 300 экземпляров), сказал нам как-то с усмешкой Альберто Кароччи один из старейших в Италии работников журнального дела. Как далеки, например, от канонов герметизма вот эти строки поэта Пазолини, обращенные к убитому патриарху:

И не сегодня он начался, этот новый день итальянской поэзии, а в годы Сопротивления, в годы тяжелой и далеко еще не завершившей борьбы за национальную свободу и демократическое обновление, когда сплотила лучшие силы народа... Как далеки, например, от канонов герметизма вот эти строки поэта Пазолини, обращенные к убитому патриарху:

Теперь у нас в Италии
Облака могут бороздить небо,
Ветер может трясти верхушки деревьев;

Изонко и другие реки
Могут бежать к морю;

В нашей Италии птицы могут петь,

Могут зеленеть листья,

Могут играть дети;

Солнце может заставить воды сверкать,

Дожди могут падать на землю,

Снег на горных вершинах

Может слепить глаза.

Только ты не можешь быть с нами.

Ты, давший нам снег,

Дождь, свет, облака и ветер.

Как далека от тех же канонов проникнутая гражданской страстью и полная глубоко трагичных раздумий на нашу эпоху поэзия Пазолини «Пепел Гравиши!» Развивает рамки своего стиха и таковой выдающейся поэзии, как Сальваторе Казимиро. Он находит в нем место и для гневного осуждения войны:

Пусть на всех широтах земли
Над гробами приспустят флаги,
Пусть любовь утолит и слезы
и боль

Разрушенных городов, городов
в развалинах!

и для новой звезды, «зажженной в спокойном небе октября бесстрашным языческим разумом человека».

Из года в год крепнут голоса молодых поэтов, для которых герметизм все более становится литературой прошлым. Связь поэзии с жизнью ими воспринимается как нечто не нуждающееся в доказательствах, нечто само собой разумеющееся. (О другом ведутся споры, и споры горячие, например, о формах связи искусства с действительностью, о правомерности «критического пессимизма», о его «революционности в условиях буржуазного общества».) Тот же Карло Салинари пишет: «Водораздел между прогрессом и реакцией больше не служит проблемой: уход от действительности или присоединение к ней. Сегодня речь идет о двух разных способах сближения искусства с действительностью. Одни из них приводят нас только коммунисты, они ведут нас к социализму. Не сесть вам, твердолобая правда нечестив, на нашу шею. Как бы не так! Ишь, чего захотелось! Вот мы, рабочие, сидим в одном зале с председателем Мао, с товарищем Чжоу Энь-ляем, вместе с ними обсуждаем большие государственные дела, наши директор и партийный секретарь спрашивают мнение у нас, у рабочих. Мы теперь хозяева — понятно? И государство хозяева, и нашему комбинату. Кто ж это заходит хочет, и болезненно сложный процесс преодоления замкнутости и одиночества поэта.

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой стих становился литературой жалкой. Останутся страницы словарей и груды слов усталых, Подобно девкам уличным. Готовыхброситься в объятья прохожему любому...

Мой ст